Любитель искренний Шувалов чистых муз,
Позволь мне ныне свой язык решить от уз, —

так начинается, сходно с державинской, эпистола А. Фрязиновского. Далее следуют сплошные похвалы, безудержно выспренние и весьма неконкретные, вроде:

Огнем любви ко всем твой воспламененный дух
Усердствовал являть, колико могл, услуг.

Затем стихотворец обращается к главной, с его точки зрения, заслуге Шувалова:

Но как полям нельзя прекрасно расцвести
И плод посеянный сторично принести,
Когда умеренно не будут орошенны
И солнечным лучем во время освещенны:
Так тщетно бы и ты старание имел,
Чтоб вертоград наук и рукоделий цвел,
Когда б за ревностно во оных упражненье
Не доставлял ты всем достойно награжденье.
Ты, ведая сие, премудро наблюдал
И всем довольные щедроты проливал.

За этим следует исторический экскурс в воспоминания о Ломоносове и других поэтах (безымянных), которым покровительствовал Шувалов. Наконец, Фрязиновский переходит к делу и выражает свои надежды:

Любезно обратишь ты взор свой на Парнасс,
Ты будешь Меценат и станешь щедрить нас.
На милости твои мы твердо уповаем
И тако мысль сию столь смело открываем,
Мы, зная прежнее, предчувствуем сие
И скоро оному увидим збытие.

О том, что надежды Фрязиновского не остались втуне, с полной определенностью свидетельствуют первые же строки следующей его эпистолы, поднесенной в день тезоименитства Шувалова, 12 ноября 1777 г.:

Еще ущедренна, о Муза! возыграй
И меценату долг усердием воздай. . .

Сравнив Шувалова с его тезоименником — святым Иоанном Милостивым, который «безмездно лил на всех обильные щедроты», Фрязиновский и далее тянет ту же ноту:

Но ты, добротами сияющий вельможа!
Не в след ли вшел его, таких дел сонм умножа?
Твоя исполненна богатством благ рука
Не пролияла ль их обильно, как река?. .